

ФИЛОСОФИЯ И СОВЕТСКОЕ ПРОШЛОЕ: В ПОИСКАХ НОВЫХ СМЫСЛОВ

Мамед-заде И. (Баку)

Советское прошлое, и в частности отношение к советской философии, для современных азербайджанских философов представляет проблему. Некоторые считают, что вся философия советского времени была сплошным служением коммунистической идее, а потому нынешнее обращение к ней не имеет серьезного значения; другие уверены в том, что заидеологизированность не отменяет ее значения и смысла. Однако оппоненты по дискуссии пока что весь свой задор направляют на критику, а не на размышление и углубление своих тезисов. Так, если вся философия была идеологически заданной, а потому ее можно не замечать, то сторонники этого тезиса должны ответить на вопрос о прерывности и непрерывности в развитии философии. Если же она была значимой, то необходимо выявить тип философствования, который был альтернативным идеологическим образцам, альтернативным не тем, что одной идеологии противопоставляется другая, а тем, что идеологии противопоставляется философия. На наш взгляд, полярность в отношении к прошлому есть повод задуматься над тем, насколько мы точно его понимаем, насколько мы сами свободны от идеологических клише по отношению к нему и насколько мы знаем советскую философию в контексте советского и постсоветского времени. Конечно, эти вопросы мы затронем лишь в контексте отношения к философии Мераба Мамардашвили.

20 лет назад ушел в вечность философ Мераб Мамардашвили — один из ярких представителей философии советского времени, но и теперь не все понимают значимость его философии и связей с тем, что называется сегодня советской философией. Можно и нужно предположить, что ему было понятно нечто, что не воспринималось советской философией. Казалось бы, между философией Мераба и целостным явлением, какой была советская философия, нет никакой связи, так как философ не был обласкан властью, а те, кто хорошо знает его творчество, вполне могут найти его тексты, доказывающие, мягко говоря, его несогласие с ней. Его философию вряд ли можно подвести под бренд «советский», так как он был в постоянной к ней оппозиции. Но,

на наш взгляд, без его размышлений не понять временной контекст и связи различных тенденций в советской философии: как минимум связи между ортодоксальным и неортодоксальным прочтением Маркса, критикой и пониманием западных учений.

Кто-то назвал его грузинским Сократом, но, на наш взгляд, он не был грузинским, или, во всяком случае, воздействие его идей выходило далеко за рамки Грузии, он был, наверное, русскоязычным философом советской эпохи. Он мог писать на многих языках, но его философия вся в контексте советского времени, даже тогда, когда он обращался к Декарту, Гуссерлю или Ницше. Все вышесказанное позволяет сформулировать основной наш тезис: без альтернативной философии советского времени, без «переоценки ценностей» не понять всех тенденций советской философии, не понять контекста времени, а он важен не только для российских, но и азербайджанских исследователей. Непонимание контекста советского времени нередко рождает в философии и культуре стремление откинуть, предать забвению время, что рождает, в свою очередь, тенденцию непонимания своего сознания, по крайней мере некоторых его уровней и ценностей.

В Азербайджане философы сегодня помнят Мераба Мамардашвили. Перед московской международной конференцией, посвященной его памяти, был организован небольшой социологический опрос в Институте философии, социологии и права Национальной академии наук Азербайджана, который этот факт засвидетельствовал. Знают о его работах «Введение в философию», «Проблема человека в философии», «Интеллигенция в современном обществе». Помнят все еще о негативном отношении грузинских властей времен Гамсахурдиа к философу. Однако анализ того, что помнится из наследия философа, свидетельствует о том, что эта память не функциональна, то есть отсутствует рефлексия по поводу идей, хотя, на наш взгляд, его некоторые идеи о «сознании сознания», о необходимости метафизики могли бы привести к актуализации философии сознания. Надо признать, что в последние годы у нас в стране сфера сознания изучается в большой степени в психологии. Точно так же, на наш взгляд, представляют актуальность для нас его идеи о значимости философии человека, этической антропологии. К примеру, его тезис о том, что объектом философии является не проблема человека, не наличный человек, а тот возможный человек, который может сверкнуть на какое-то время, промель-

кнуть, установиться в пространстве некоторого собственного усилия. Трансцендирующего усилия, состоящего в способности поставить себя на предел, за которым в лицо глядит облик смерти, на предел, который символизирует для человека его способность или готовность расстаться с самим собой, каким он был к моменту события, расстаться со слепившейся с ним скорлупой. Не менее ценным представляются его тезисы о том, что философия есть понимание всего как проблема, и это означает, что что-то непонятно, что при попытке понять «чужое» необходимо проявить «великодушие». Но важным для нас представляется и то, что его очерк (лекции) о современной западной философии позволяет проложить тропы к пониманию самой западной философии. Надо признать, что в последние годы в Азербайджане эпицентр философских исследований, по крайней мере в истории философии, сместился к мусульманской философии, но хотелось бы, чтобы знания в этой сфере не стали помехой в понимании западной философии. Причем хотелось бы, чтобы знания о западной философии, метафизике стали фундаментом для развития всего того, что у нас относится к истории мусульманской философии.

Современной нашей философии не хватает личностей. В какой-то степени этот недостаток связан с идеологическими особенностями советской философии. Что-то в этом определяется распространением в качестве образца американской аналитической философии с ее пиететом перед социологией, статистическими данными и т. д. Тем не менее философия остается глубоко личностной. Многие из нас сегодня скромно позиционируют себя как исследователи, занимающиеся философией, особо подчеркивая, что не претендуют быть философами. На наш взгляд, такая скромность идет от отсутствия в большинстве случаев собственного стиля философствования, того, что явно просматривается в текстах Мамардашвили. У него есть свой философский язык, о чем бы ни был его текст — в нем проступает философия Мераба. Возникает противоречие между философией самого Мераба и того философа, или направления, о котором рассказывает он, когда речь идет об истории философии. В принципе, это противоречие для развития философии продуктивно, когда оно осмысливается.

Идеологизация советской философии была связана не только с установкой со стороны властей, но и сознанием масс, присутствующим им стремлением упростить мир. Философия Мамарда-

швили не только раскрывает некоторые причины такого состояния сознания, но и позволяет увидеть пути преодоления философией такого состояния, а также обрисовывает некий контур нормальных, не душащих свободу взаимоотношений философии и идеологии. Мамардашвили эти вопросы осмысляет с помощью таких понятий, как «индустрия и управление сознанием», «производство сознания», «просветительский абсолютизм», «массовая культура и культура подлинная» и т. д. Хотелось бы обратить внимание на то, что, давая определение интеллигенции, он подчеркивает: ее связь с господствующим классом была вольной; интеллигенция ставила перед собой не столько проблемы ее собственного положения, сколько проблемы всех других общественных слоев, за которые и вместо которых «мыслила». Понятно, что тема идеологии, философии, интеллигенции у него вплеталась в вопросы, имевшие глубоко феноменологическое звучание, требующие глубокого осмысления. Тем не менее они имеют и непосредственное значение для сегодняшнего дня, как писал Мераб Мамардашвили, для «здесь и теперь» в «Очерках современной европейской философии»; рассуждая о различиях между «трансцендентным миром» и «трансцендентальным сознанием», он показывает, как служение прогрессивному социальному движению, будущему снимает ответственность за конкретный поступок, совершенный человеком в данный конкретный момент времени¹. Или обратим внимание, к примеру, на его анализ роли интеллигенции, который не потерял своей значимости в нынешних условиях. Многие ныне уверены в том, что ее роль в прошлом была выше, чем сейчас — в период рыночных реформ, демократизации и т. п., что в прошлом было преклонение перед подлинным искусством, и т. д. На деле все оказывается сложнее, чем в случае оценок типа «выше — ниже», «лучше — хуже», и сегодня эти проблемы связаны не только с процессами трансформации постсоветского общества, но и с тем, каким было сознание общества в советское время.

Сложившееся тяготение к упрощению определенным образом влияет на общественное сознание. Оно пытается «переделывать» культуру, историю, «выбрасывать за ненадобностью» целые эпохи. Кстати, это не означает, что сознание не может

¹ См.: Мамардашвили М. Очерк современной европейской философии. М.: Прогресс-Традиция; Фонд Мераба Мамардашвили, 2010. С. 207–208

переделывать себя — речь идет о том, что, упрощенно понимая действительность, себя само, вряд ли можно что-либо переделать. Мамардашвили говорил о необходимости «усилия» и т. д. В таком «переделывании» многое зависит от философии, от ее умения освободиться от иллюзий и тем способствовать развитию культуры. К примеру, выше отмечалось, что советское прошлое оценивается как плохое, отсюда следует нехитрый вывод: убежать от него, забыть его — в философии этот процесс можно обозначить как возвращение в лоно мусульманской философии. Но возвращение-побег, по крайней мере применительно к философии, будет происходить в традициях советской философии, так как, не поняв ее во всей ее неоднозначности, от нее не убежать. Необходимы серьезные духовные, мыслительные «усилия» (Мамардашвили) по выявлению того ценного и творческого, что было в ней, того, что внутри нее ей противостояло. Причем мысль о том, что современная ей азербайджанская философия должна избежать советского наследия, явно непродуктивна. Не только потому, что в советское время были серьезные азербайджанские философы, но и потому, что вся философия советского времени может быть наследием для современной азербайджанской философии. Для этого, конечно, необходимо понять ее достоинства и слабости, то есть приложить определенные мыслительные усилия.

Как было отмечено выше, в азербайджанской философии идут достаточно горячие дискуссии об отношении к философии советского времени. Но эти дискуссии пока что не раскрывают контекста азербайджанской советской философии, который не может сводиться только к трудам азербайджанских философов. Если непонятен контекст азербайджанской советской философии, трудно понять контекст досоветский. Надо также иметь в виду, что упомянутый контекст существует как бы неосознанно. Вот одна из причин, из которой ограничиваются возможности философии влиять на сознание современника. Именно в этом ключе можно понять гуссерлевское «осовременивающее воспоминание». По существу, если речь идет об истории философии, которой у нас в стране в советское время уделялось особое внимание, то знание трудов философов советского времени о мыслителях прошлого сообщает знание о сознании советского времени. Непонимание философии советского времени обуславливает непонимание и постсоветского времени, что, в свою очередь, ведет к тому, что индивид не может стать от них свободным, не может его

преодолеть, не создается, если вспомнить Мамардашвили, «напряжение между свободой и несвободой».

В итоге хотелось бы также подчеркнуть два важных, на наш взгляд, обстоятельства: во-первых, в Азербайджане разворачивается процесс модернизации. И хотя многие модернизацию трактуют как курс экономических реформ, на деле это курс на социокультурные изменения, курс на сочетание преемственности и креативности, возможной открытости и т. д. Он предполагает понимание особенностей сознания прошлого, если хотите, ближайшего советского прошлого, когда по определенным причинам произошел разрыв между преемственностью и позитивными изменениями, стремлением к новизне. И речь идет не только об акциях типа уничтожения национальной интеллигенции и т.п., а о заблуждениях метафизического свойства. Причем, как отмечал Мамардашвили, в таком случае речь идет не о понимании в психологическом смысле слова, а об условии, накладываемом на бытие: «...бытие как бы открывает себя, или показывает себя, выступает в понимании и через понимание»¹. Во-вторых, прошлое преодолевается не потому, что оно плохое, а потому, что через его преодоление идет развитие. Но для этого следует приложить «усилия», ментального (сознательного) свойства усилия, не только желания, но такого усилия, чтобы не разрывать с прошлым, а видеть его непрерывное единство с настоящим. В этом плане следует учесть, что социологические, культурологические и этические данные об общественном мнении, аналитика не заполняют пустоту, которая требует метафизических размышлений.

¹ Мамардашвили М. Очерк современной европейской философии. С. 280.